

ЗАМЕТКИ

М. Б. СВЕРДЛОВ

О посольской «речи» в рассказе Повести временных лет под 1075 г.

В Повести временных лет под 1075 г. находится следующий рассказ о немецком посольстве к Святославу Ярославичу: «В се же лето придоша сли из немецъ к Святославу; Святослав же, величаяся, показа им богатство свое. Они же видевше бесчисленное множество, злато и серебро, и поволоки, и реша: „Се ни в что же есть, се бо лежит мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего“».¹

В этом известии многое непонятно: от кого посольство было послано? С какой целью оно прибыло на Русь? Для чего Святослав начал хвалиться своими богатствами?

Как давно было отмечено, указанное выше сообщение Повести временных лет расшифровывается обстоятельным рассказом хроники Ламберта Херсфельдского о том, что ко двору Генриха IV в 1075 г. прибыл изгнанный братом Изяслав Ярославич. Последний просил короля пригрозить узурпатору, чтобы тот вернул захваченный престол. Генрих IV отправил на Русь посольство во главе с Бурхардом Трирским с требованием вернуть Изяславу власть над страной.² Этот рассказ отвечает на первые два вопроса. Известие Ламберта, как отмечает в комментарии к Повести временных лет Д. С. Лихачев,³ позволяет ставить третий вопрос: в хронике сообщается о прибытии Бурхарда Трирского из Руси с многочисленными ценными дарами, которые пришлось очень кстати, поскольку казна Генриха IV была совершенно пуста и платить войскам было нечем. Совершенно ясно, что Святослав решил откупиться от неожиданного прогивника.⁴

Если все вопросы к неясному сообщению Повести временных лет разъясняются рассказом Ламберта Херсфельдского, то как можно объяснить речь немецких послов в летописи? Д. С. Лихачев приводит мнение Б. А. Романова, согласно которому «присказка о том, что серебром и золотом не создашь дружины, но с помощью дружины добудешь и то и другое, стала излюбленной формулой в летописной публицистике... Он (рассказ 1075 г., — М. С.) осуждает лишь неразумное омерзвление этих накоплений в княжеских сокровищницах без дальнейшего движения.

¹ Повесть временных лет, ч I Изд АН СССР, М—Л, 1950, серия «Литературные памятники», стр 131

² Lamperti annales Ausgewahlte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalte., Bd XIII Berlin, 6 г, стр 262

³ Повесть временных лет, ч II Изд АН СССР, М—Л, 1950, серия «Литературные памятники» стр 409

⁴ Lamperti annales, стр 300

Смысл этого рассказа заключается в том, чтобы князья не останавливали этого накопления, заинтересовывали своих дружинников в активной княжьей политике и проводили ее с помощью дружины».⁵ Действительно, взятое само по себе изречение немецких послов имеет именно такой смысл и напоминает подобные слова Владимира, который «повеле исковати лжице сребрены ясти дружине, рече: „Сице яко сребром и златом не имамъ излести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, якоже дед мои и отець доискался дружиною злата и сребра“».⁶

Однако, если так истолковать слова послов, становится непонятным, зачем летописцу для высказывания подобной абстрактной сентенции надо было приводить рассказ о реальном посольстве немцев (напомним, что в Повести временных лет, кроме рассматриваемого сообщения, есть только одно еще известие о немецком посольстве в легендарном предании об испытании вер). В словах послов чувствуется скрытая угроза: князю надо гордиться своей военной силой, а не накопленными богатствами. Эта угроза отражает цель немецкого посольства. Как сообщает Ламберт Херсфельдский, «королем (Генрихом IV, — М. С.) немедленно был послан Бурхард, глава Трирской церкви, поговорить с тем (Святославом, — М. С.) в отношении несправедливостей, которые он причинил брату, и напомнить, чтобы он добровольно уступил королевство, которое незаконно захватил, иначе вскоре ему придется познакомиться с властью и военной мощью немецкого государства».⁷ Кроме того, заявление послов, приведенное в летописи, оправдывает Генриха IV, у которого в это время была пустая казна, зато он имел сильное войско. Таким образом, слова немецких послов, взятые в конкретной ситуации и в контексте рассказа, являются не истиной представлений феодального общества, согласно которой меч сильнее золота, а передачей буквальных слов или смысла «речи» послов. Следовательно, слова Ламберта объясняют и слова послов, записанные в летописи.

Как установил А. А. Шахматов, статья Повести временных лет 1075 г. относится ко второму продолжению Древнего свода, написанного около 1078 г. Никоном, автором свода 1073 г.;⁸ таким образом, приведенная выше летописная запись была сделана современником событий. Можно предположить, что Никон был и участником этих событий. Д. С. Лихачев отметил тот факт, что в русских летописях обращалось большое внимание на «речи» послов, причем эти «речи» запоминались, а потом тщательно цитировались. Этот вывод сделан на основе анализа летописей XII—XIII вв.⁹ Нам представляется, что в статье Повести временных лет за 1075 г. также сделана запись «речи» послов. Характерно употребление при передаче посольской «речи» крайне редкого для Повести временных лет слова «кметье». Большинство исследователей полагает, что это слово происходит от латинского comes, -itis — «спутник», «товарищ».¹⁰ М. Э. Шайтан предложил значительно более простую и ясную этимологию слова:

⁵ Повесть временных лет, ч. II, стр. 410.

⁶ Там же, ч. I, стр. 86.

⁷ Lamperti annales, стр. 262.

⁸ См.: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 438—439.

⁹ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 114—125.

¹⁰ См.: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, стр. 322; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 124; M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, 8. Lieferung (Bogen 35—39). Heidelberg, 1952, стр. 578.

немецкое Kmetier — «дружинники».¹¹ Выяснение вопроса о происхождении русского «кметье» от латинского или немецкого языка не входит в нашу задачу, одно несомненно: это слово употреблялось в переговорах Святослава с послами Генриха IV. Показательно, что вслед за использованным словом «кметье» летописец сбивается на привычное русское «мужи».

Никон мог слышать «речь» послов, будучи приглашенным к княжескому двору, так как Святослав, видимо, старался принять королевских послов, возглавляемых духовным лицом, с великой помпой, и на приеме с русской стороны участвовало большое количество церковников.

Таким образом, отмеченные для XII—XIII вв. Д. С. Лихачевым «речи» послов как литературный прием летописцев можно проследить в творчестве Никона в XI в.

¹¹ См.: М. З. Шайтан. Германия и Киев в XI в. — ЛЗАК за 1926 год, вып. 1, Л., 1927, стр. 10.